АРТЁМ БАРЕНЦЕВ

ТАЙНА ЗАТОПЛЕННОГО ОСТРОВА

Артем Баренцев

Тайна затопленного острова

«Автор»
2026

Баренцев А.

Тайна затопленного острова / А. Баренцев — «Автор», 2026

Летняя гроза застает трех школьников из поселка Ветлужский Затон в полуразрушенном эллинге заброшенной лодочной станции Чайка. Под прогнившим настилом Егор Смирнов, Митя Ковалев и Севка Бобров находят запечатанный свинцом футляр с картой и дневником начальника гидрогеологической партии шестидесятых годов Глеба Воронова. На пожелтевшей кальке начертан шифр, указывающий на тайник с редчайшими кристаллами на вершине Лисьего кургана. Когда на плотине открывают шандоры и уровень реки Сосны стремительно падает, затопленный курган поднимается из пучины всего на сорок восемь часов. Отремонтировав старую деревянную плоскодонку Стриж, друзья отправляются в опасный поход сквозь ревущие пороги и коварные мели, не подозревая, что по их следам уже идет браконьер Хват.

© Баренцев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Убежище на мысу «Чайка» 5
Глава 2. Шифр геолога Воронова 9
Глава 3. Рождение «Стрижа» 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Артем Баренцев
Тайна затопленного острова

Глава 1. Убежище на мысу «Чайка»

Тяжелая цинковая банка с выползками выскользнула из мокрых пальцев, глухо стукнулась о гравий и покатилась к самой кромке вспененной воды. Егор Смирнов выругался сквозь зубы, поймал скользкую жестянку в паре сантиметров от набежавшей волны и торопливо оглянулся на товарищей. С востока, из-за угрюмой стены векового соснового бора, стремительно наползала иссиня-черная туча с рваными белесыми краями. Река Сосна, еще полчаса назад дремавшая под полуденным солнцем, мгновенно потемнела, вздулась мелкими сердитыми барашками и с шипением зашуршала по прибрежной гальке. Первые тяжелые капли размером с медный пятак с гулким щелканьем ударили по брезентовому заплечному мешку.

«Шевелитесь, утопим снасти!» - крикнул Егор, зажимая банку под мышкой и подхватывая связанные бечевой бамбуковые удилища. «Сейчас как влупит, до Затона добежать не успеем! В эллинг давай!»

Сзади, тяжело дыша и ежесекундно поправляя сползающие на кончик носа круглые очки в проволочной оправе, бежал Митя Ковалев. В худых руках он бережно прижимал к груди старый армейский планшет с чистыми листами для гербария и отцовский призматический компас на кожаном ремешке. Митя был на полголовы ниже Егора, но в вопросах речной топографии, физики и ориентирования на местности ему не было равных во всей поселковой школе.

Замыкал их маленькую колонну Севка Бобров по прозвищу Шплинт. Круглолицый, веснушчатый, в выцветшей тельняшке не по росту и парусиновых штанах с заплатами на обоих коленях, он тащил на плече самодельный деревянный садок для рыбы и закопченный походный котелок, в котором при каждом шаге предательски брякали запасные свинцовые грузила. Карманы Севки всегда топорщились от невероятного количества нужных вещей: там звенели мотки капроновой лески, лежали сухие спички в склянке из-под валидола, медные крючки, перочинный ножик с костяной рукояткой и неизменный ломоть подсушенного ржаного хлеба с солью.

«Я же говорил, что ласточки над самой водой стелются, верный признак к грозе!» - отдуваясь, причитал Севка, перепрыгивая через склизкое замшелое бревно. «А вы оба заладили: окунь перед дождем берет, на косе посидим! Вот теперь сидим, как мокрые курицы. Если котелок утоплю, бабка мне голову оторвет и скажет, что так и было!»

«Да не ной ты под руку, Шплинт!» - огрызнулся Егор, взбегая по песчаному откосу. «Вон ворота открыты, заскакивай!»

Мыс «Чайка» выдавался далеко в русло Сосны. Когда-то, еще до его рождения, здесь кипела настоящая речная жизнь: гудели маневровые катера, звенели цепи швартовых концов, а на дощатых сходнях дежурил вахтенный лодочной станции лесосплава. Но после того как в шестидесятые годы ниже по течению перекрыли плотину ГЭС и поднявшаяся вода затопила старую пойму вместе с селом Берёзовка, судовой ход перенесли под высокий правый берег. Старую станцию забросили. Огромный дощатый эллинг для ремонта мотоботов стоял на сваях над самой водой, почерневший от ветров и дождей, с провалившейся в двух местах дранчатой крышей и распахнутыми перекошенными створками ворот, скрипевшими на ржавых кованых петлях при каждом порыве шквала.

Мальчишки влетели под темные гулкие своды эллинга ровно в ту секунду, когда за стенами с треском и грохотом разверзлось небо. Стена ледяного ливня сплошной завесой отрезала вход, превратив речной плёс в сплошное белесое марево. С крыши забарабанили тысячи

водяных струй, воздух наполнился густым запахом прелого речного ила, машинного масла, сухой полыни и сырой древесины.

«Ух, успели», - выдохнул Митя, осторожно снимая очки и протирая стекла сухим уголком рубахи. «Судя по скорости фронта, это конвективный шквал. Минут сорок будет поливать, не меньше. Смотрите, как барометрическое давление рухнуло, у меня даже в ушах зазвенело».

«Скажи лучше, что промокли до нитки, профессор», - проворчал Севка, с грохотом опуская котелок на сухую доску настила и выжимая подол тельняшки. «Хорошо хоть черви не уплыли. Егор, а здесь сухого угла нет? С крыши прямо за шиворот капает».

Егор не ответил. Он аккуратно прислонил бамбуковые удилища к почерневшей стойке ворот и медленно пошел в глубь полутемного эллинга. Его отец, Павел Андреевич Смирнов, работал старшим механиком в поселковых судоремонтных мастерских и строго запрещал сыну лазить по заброшенным объектам старого флота. Взрослые считали, что подгнившие настилы и ржавое железо на мысу смертельно опасны для мальчишек. Но именно поэтому мыс «Чайка» манил Егора сильнее любой обустроенной игровой площадки. Здесь все пахло настоящей речной историей, загадками ушедших пароходов и тайнами затопленного русла.

В дальнем конце эллинга, где сухой пол переходил в наклонные бревенчатые стапели, уходящие прямо в темную воду затона, громоздились останки старого деревянного баркаса. Рядом возвышалась чугунная ручная помпа для откачки трюмной воды с тяжелым кованым коромыслом, покрытым толстым слоем бурой чешуйчатой ржавчины.

«Гляньте-ка», - негромко позвал Егор, присаживаясь на корточки у стапелей. «Лодка-то еще держится. Это же «Стриж», дедова плоскодонка-дори. Я помню, отец рассказывал, на ней еще до перекрытия реки створные знаки на дальних перекатах проверяли. Днище из мореного дуба, борта смоленые. Если пазы просмолить заново да пару досок по левому борту прихватить, она хоть сейчас на воду пойдет».

Митя и Севка подошли ближе, с любопытством разглядывая крепкий просмоленный корпус лодки с высокими развалистыми бортами и узкой кормой. Такие плоскодонки строили специально для порожистых таежных рек: они обладали поразительной остойчивостью и могли преодолевать мелкие каменистые перекаты там, где обычный катер моментально распарывал днище.

«Мечтать не вредно», - скептически хмыкнул Севка, осторожно пиная носком парусиновой туфли дубовый форштевень. «Чтобы её просмолить, ведро вара нужно и пакли два пуда. И вообще, если твой отец узнает, что мы здесь крутимся, он нам такую смолу устроит, до осени на реку не выйдем. Ты лучше гляди под ноги, тут доски через одну гнилые».

Егор сделал шаг в сторону чугунной помпы, намереваясь проверить, ходит ли еще поршень в гильзе, как вдруг под его правой ногой раздался сухой треск ломающегося дерева.

«Берегись!» - вскрикнул Митя, бросаясь вперед.

Нога Егора провалилась сквозь трухлявый настил почти по самое колено. Он резко взмахнул руками, чудом удержав равновесие и ухватившись левой ладонью за холодный чугунный рычаг помпы. Острая щепка оцарапала щиколотку, но боли он почти не почувствовал от мгновенного выброса адреналина. Снизу, из черной пустоты под полом эллинга, пахнуло могильным речным холодом и затхлостью застойной тины.

«Егор, держись! Не шевелись, я помогу!» - Севка бросился на колени, вцепился в ремень его брюк и вместе с подоспевшим Митей рывком вытянул друга обратно на крепкие доски.

«Фу ты, черт», - выдохнул Егор, присаживаясь на сухой выступ и потирая ссадину на ноге. «Чуть в реку не улетел. Там под настилом метра два до воды, и сваи торчат, как пики».

«Я же предупреждал», - дрожащим голосом проговорил Митя, поправляя съехавший планшет. «Несущие балки прогнили снизу из-за постоянной влажности. Здесь опасно находиться. Нужно немедленно уходить к выходу».

«Погоди», - Егор нахмурился и посмотрел в зияющий пролом в полу.

Один из тяжелых сосновых брусьев настила при падении вывернулся из паза и обнажил узкое пространство между основанием чугунной помпы и глухой каменной кладкой берегового устоя. При тусклом свете грозового неба, пробивавшемся сквозь щели в воротах, внутри этой темной ниши что-то тускло блеснуло серым металлическим отсветом.

«Митя, дай фонарик», - быстро скомандовал Егор.

Митя полез в свой планшет и извлек тяжелый металлический фонарь на квадратной батарейке с выпуклым стеклом. Щелкнул тугой ползунок выключателя. Желтый луч света разрезал полумрак эллинга и уперся в пыльную каменную нишу под помпой.

Там, надежно укрытый от дождя и случайных взглядов, покоился продолговатый металлический ящик размером с обувную коробку. Он был изготовлен из толстого серого цинкового листа, а все швы по периметру крышки были наглухо запаяны широкой полосой потемневшего свинцового припоя. Металл покрылся белесым налетом окисла, но на верхней крышке коробки отчетливо проступало рельефное клеймо: два перекрещенных геологических молотка и полукруглая надпись по канту: «Министерство геологии СССР. Гидрогеологическая экспедиция». Чуть ниже четкими выбитыми цифрами значился номер: «Партия 47. 1964 г.».

«Ничего себе», - прошептал Севка, и его глаза стали круглыми, как пятаки. «Это что, клад? Золото? Патроны?»

«Какие патроны, темнота», - с благоговейным трепетом произнес Митя, опускаясь на колени рядом с Егором и жадно вглядываясь в клеймо. «Это полевой архив изыскательской партии. В шестьдесят четвертом году здесь как раз работали геологи перед пуском плотины. Моя мама рассказывала, они обследовали карстовые пустоты и скальные породы по всему руслу Сосны. Но почему ящик запаян? И почему его спрятали под помпой, а не сдали в архив управления?»

«Сейчас узнаем», - решительно сказал Егор.

Он осторожно лег на живот, опустил руку в пролом и нащупал холодные, покрытые шероховатой патиной углы цинкового футляра. Ящик оказался неожиданно тяжелым, килограммов пять, не меньше. Егор напряг мышцы плеча, уперся локтем в крепкую поперечину и с натугой вытащил находку на дощатый пол эллинга.

Свинцовая пайка на одном из углов от времени и сырости дала тонкую волосяную трещину. Егор достал из кармана свой складной шлюпочный нож с прочным широким лезвием и кованой стальной свайкой. Аккуратно поддев край свинцовой полосы, он нажал на рукоять. Металл со скрипом подался, свинцовая полоса отошла с влажным чавкающим звуком, и верхняя крышка коробки приоткрылась.

Внутри стоял густой, ни с чем не сравнимый запах: запах старой вощеной бумаги, парафина, оружейного масла и сухого сургуча.

На самом верху лежал плотный сверток, завернутый в несколько слоев промасленного шелка. Севка затаил дыхание, боясь пошевелиться. За стенами эллинга с новой силой хлестал ливень, глухо рокотал гром, сотрясая деревянные стены старой станции, но мальчишки не слышали ничего вокруг.

Егор осторожно развернул шуршащий шелк. Внутри оказался тяжелый кожаный планшет на медных кнопках с потемневшим от времени ремнем. Рядом лежала толстая топографическая калька, свернутая в тугой рулон и перехваченная полуистлевшей аптечной резинкой, и продолговатый цилиндр из вороненой стали с резьбовой крышкой, опечатанной сургучной печатью.

Митя дрожащими пальцами подцепил край кальки и медленно развернул её на коленях. При свете фонаря мальчишки увидели виртуозно вычерченную тушью карту долины реки Сосны. Но это была совсем не та река, которую они знали с самого детства.

На чертеже не было огромного водохранилища. Было узкое извилистое русло с перекатами, отмелями и старыми мельницами. Прямо посреди речной излучины красовалась над-

пись: «Село Берёзовка. 140 дворов. Церковь Рождества Богородицы». А чуть выше по течению, на правом крутом берегу, в месте, которое теперь скрывалось под многометровой толщей воды, красной тушью был обведен кружок с жирной треугольной меткой внутри: «Лисий курган. Высота 114. Репер 47. Шурф № 3. Консервация специального объекта».

На полях карты аккуратным, твердым чертежным почерком были выведены строки полевого отчета:

«28 августа 1964 года. Начальнику геологического управления. Ввиду досрочного решения гидростроителей о форсированном перекрытии шандор и угрозы несанкционированного затопления шурфа номер три, коллекция монолитов и первичные материалы изысканий пегматитовой жилы Медвежьего яра законсервированы в скальном теле репера сорок семь. Координаты зашифрованы по системе речных створов. Ключ оставлен в тайнике базы. Вскрытие допускается только при технологическом падении горизонта вод. Начальник партии номер сорок семь Воронов Г. А.».

Под официальным текстом чернилами другого цвета, торопливо и наискосок, было начертано странное четверостишие:

«Где в полдень крест упал на тень обрыва, Где скрыла гладь три каменных порога, Считай сажени от речного створа, Там спит гранит среди песчаных кос».

«Братцы», - прервал тишину Севка, и голос его сорвался на шепот. «Это же та самая Берёзовка, которая на дне лежит. От которой только Белая колокольня из воды торчит. А Лисий курган... его же вообще на современных картах нет! Его затопило целиком, когда плотину пустили!»

«Он не просто затоплен», - быстро сказал Митя, и глаза его за стеклами очков лихорадочно блеснули. «Воронов пишет: вскрытие допускается при технологическом падении горизонта вод! Вы понимаете, что это значит?»

Егор поднял голову от пожелтевшей кальки. Сердце в его груди колотилось так сильно, словно он только что пробежал стометровку по крутому песчаному косогору.

«Завтра на плотине открывают водосброс», - медленно, взвешивая каждое слово, произнес Егор. «Отец вчера за ужином говорил диспетчеру флота. Они будут сбрасывать воду для ремонта шандор нижней галереи. Вода в водохранилище упадет на два с половиной метра».

В этот момент снаружи, перекрывая шум дождя и раскаты грома, донесся тяжелый чавкающий звук шагов по мокрой гальке. Кто-то уверенно и быстро поднимался по откосу прямо к распахнутым воротам заброшенного эллинга.

Глава 2. Шифр геолога Воронова

Егор мгновенно захлопнул цинковую крышку, с глухим щелчком задвинул свинцовый фальц и сгреб в охапку промасленный шелковый сверток с планшетом и картой. Митя одним плавным движением выключил фонарь, погрузив дальний угол эллинга в непроглядную серую полутьму. Севка, инстинктивно втянув голову в плечи, замер на корточках за чугунной станиной помпы, боясь выдохнуть.

Тяжелые шаги заскрипели по мокрым доскам у самого входа. В распахнутом проеме ворот на фоне косой сетки ливня возник массивный темный силуэт. Человек был в длинном прорезиненном плаще с капюшоном, с которого ручьями стекала вода. В опущенной правой руке он держал увесистый брезентовый мешок, в котором глухо позвякивали железные обрезки, а на плече на широком ремне висел тяжелый трехбатареечный фароискатель.

Это был Игнат Савельев по прозвищу Хват. В поселке его недолюбливали и побаивались. Приземистый, жилистый, с вечно прищуренным цепким взглядом из-под нависших кустистых бровей, он жил на самом краю Затона, держал быстроходную дюралевую моторку «Казанка» с форсированным тридцатисильным мотором «Вихрь» и промышлял браконьерством, установкой самоловов в запретных зонах у плотины и скупкой любого цветного металла, который удавалось содрать со старых затопленных сооружений.

Хват остановился в створе ворот, шумно втянул ноздрями влажный воздух и окинул эллинг подозрительным взглядом. Его взгляд скользнул по корпусу «Стрижа», зацепил брошенные у стойки бамбуковые удочки и уперся в темный пролом в полу.

«Кто здесь?» - хрипло гаркнул он, делая шаг внутрь. Голос его эхом раскатился под стропилами. «А ну вылезай, пока я за шиворот не вытащил!»

Мальчишки не шевелились. Севка зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли оранжевые круги, а в кармане его парусиновых штанов предательски звякнуло запасное свинцовое грузило. Хват мгновенно повернул голову на звук и потянулся к тумблеру фароискателя.

Егор понял: еще секунда, и яркий луч выхватит их из темноты вместе с цинковым ящиком. Слева за стапелем баркаса темнела узкая аварийная дверь, выходившая на задние мостки старого причала, заросшего густым ивняком и полутораметровым рогозом.

«Бегом!» - шепотом выдохнул Егор, толкая Митю к спасительной двери.

Севка сорвался с места первым, словно спущенная пружина. Мальчишки проскочили в узкую щель приоткрытой двери ровно в тот миг, когда ослепительный белый сноп света от фароискателя Хвата полоснул по чугунной помпе и вывернутым доскам пола.

«Стоять, щенки!» - рявкнул сзади браконьер, и тяжелые доски заходили ходуном под его сапогами. «Куда потянули, стой!»

Но ребята уже неслись по скользким, шатающимся сходням причала. Ледяные струи дождя хлестали в лицо, колючие ветки тальника царапали щеки, а ноги по щиколотку проваливались в раскисшую глину береговой тропы. Егор крепко прижимал к груди драгоценный сверток, чувствуя под мокрым шелком твердые грани стального тубуса и толстую кожу планшета. Они знали каждый поворот тропинки, каждый куст и каждую корягу на мысу «Чайка» неизмеримо лучше Хвата. Завернув за замшелую гранитную глыбу берегоукрепления, мальчишки нырнули в узкий овраг, густо заросший крапивой и ольшаником, и выскочили на задворки улицы Речников.

Через десять минут, запыхавшиеся, мокрые до нитки, но с горящими от ликования глазами, они уже поднимались по скрипучей деревянной приставной лестнице на сеновал над летней мастерской дома Смирновых.

Сеновал был их тайным штабом с третьего класса. Здесь пахло сухим июльским разнотравьем, березовыми вениками, сушеными грибами и смолистыми сосновыми плахами. Сквозь

слуховое треугольное окно в мезонине открывался прекрасный вид на речную излучину, причал судоремонтных мастерских и далекий серебристый створ водохранилища. В углу под стропилами стоял старый дубовый сундук, застеленный чистой дерюгой, а на стене висели речные карты бассейна Сосны и самодельный барометр из стеклянной трубки.

Севка без сил повалился на душистое сено, раскинув руки в стороны, и судорожно перевел дух:

«Ушли... Честное пионерское, у меня сердце чуть из горла не выскочило! Вы видели его глазища? Если бы он этот цинковый ящик зацепил, отобрал бы в два счета и в металлолом сдал или на дно спрятал!»

«Хват ищет все, что сделано из меди, бронзы или свинца», - тихо сказал Митя, опускаясь на сундук и бережно раскладывая на чистой дерюге извлеченные реликвии. «В старых геодезических приборах и кабелях связи цветного металла на десятки тысяч рублей. Но этот архив неизмеримо дороже любого лома».

Егор аккуратно вытер сухим вафельным полотенцем кожаный планшет и положил его рядом с калькой. За окном дождь начал стихать, тяжелая грозовая туча уходила на восток, и сквозь прорехи в серых облаках пробились первые косые лучи предвечернего солнца, расчертив пыльный воздух сеновала золотыми полосами.

Мальчишки склонились над находками. В стальном тубусе с запечатанной сургучом крышкой оказался плотный валик вощеной бумаги. Когда Егор осторожно срезал сургуч шлюпочным ножом, внутри показался толстый полевой журнал в темно-зеленом ледериновом переплете с тисненой золотой надписью: «Дневник наблюдений гидрогеологической партии № 47. Начальник Воронов Г. А. Том второй. Геологические разрезы и петрография».

Митя с благоговением открыл первую страницу. Чернила за шестьдесят лет ничуть не выцвели. Четкий, убористый почерк инженера хранил дыхание далекого жаркого лета 1964 года.

«Смотрите сюда», - Митя провел пальцем по аккуратной чертежной схеме геологического пласта. «Запись от четырнадцатого августа: «При проходке разведочной канавы номер шесть на восточном склоне Лисьего кургана вскрыто тело пегматитовой жилы мощностью до четырех метров. Главные минералы: дымчатый кварц, альбит, лепидолит. В центральной заторышевой зоне обнаружены уникальные друзы прозрачного берилла ювелирного качества размером до пятнадцати сантиметров, а также зеленовато-голубой аквамарин. При дальнейшем углублении шурфа номер три вскрыт вход в естественную карстовую полость с подземным озером». Вы понимаете, что открыл Воронов? Это же целое месторождение драгоценных и редких камней прямо у нас под боком!»

«А дальше? Что там дальше написано?» - с горящими глазами подался вперед Севка.

«А дальше начинается самое главное», - Митя перелистнул страницу. «Двадцать шестое августа: «Получена срочная правительственная телеграмма. В связи с опережением графика бетонных работ на гидроузле комиссия постановила начать затопление котлована водохранилища первого сентября вместо намеченного срока в ноябре. Мои требования об отсрочке затопления поймы для завершения отбора эталонных монолитов и консервации штольни отклонены главным инженером строительства товарищем Шубиным. Шубин заявил, что стране нужен ток, а не камешки. Партии приказано свернуть лагерь за сорок восемь часов и сдать документацию в архив треста».

«Вот бюрократы», - сжал кулаки Егор. «Человек нашел сокровище, а ему говорят: бросай все и уезжай!»

«Воронов не бросил», - тихо продолжал читать Митя. «Слушайте: «Сдать первичные полевые материалы и координаты жилы в общий архив в такой спешке означает похоронить открытие навсегда. Документы осядут в фондах, а после заполнения чаши водохранилища месторождение посчитают утраченным. Принимаю единоличное решение: эталонную коллек-

цию кристаллов берилла, дубликаты топографических съемок и детальный план шурфа герметизировать в титановом контейнере полевой геодезической лаборатории. Контейнер замурован в основание фундамента репера номер сорок семь, установленного на скальной вершине Лисьего кургана. Лисий курган имеет абсолютную отметку сто четырнадцать метров. При нормальном подпорном уровне водохранилища в сто шестнадцать метров вершина будет скрыта водой на два метра. Однако при регламентных падениях горизонта до отметки сто тринадцать метров пятьдесят сантиметров репер будет обнажаться. Истинные пеленги и способ обнаружения тайника оставляю на обороте рабочей кальки. Верю, что будущие исследователи вернут богатство Сосны на службу науке».

Митя перевернул пожелтевшую кальку. На её обратной стороне тушью была вычерчена круговая градусная шкала с таблицей поправок магнитного склонения и повторено то самое четверостишие, которое они прочитали в эллинге:

«Где в полдень крест упал на тень обрыва, Где скрыла гладь три каменных порога, Считай сажени от речного створа, Там спит гранит среди песчаных кос».

«Митя, переведи на нормальный русский язык», - взмолился Севка, почесывая веснушчатый нос. «Что за крест? Что за пороги? И как вообще искать то, что шестьдесят лет лежит под водой?»

Митя достал свой блокнот, остро отточенный карандаш и быстро набросал геометрический чертеж:

«Это классический навигационный триангуляционный шифр, построенный на оптических ориентирах. Смотрите. Первая строчка: «Где в полдень крест упал на тень обрыва». В полдень солнце находится строго на юге. Значит, тень от вертикального объекта падает строго на север по истинному меридиану. Единственный крест во всей затопленной долине, который возвышается над водой, - это крест Белой колокольни села Берёзовка! Она стоит на каменном фундаменте посреди плёса. Ровно в двенадцать часов дня тень от ее шпиля с крестом указывает направление истинного севера».

«Точно!» - хлопнул себя по колену Егор. «А обрыв - это Медвежий яр на правом берегу! Тень от креста колокольни падает как раз в сторону каменистого яра!»

«Именно», - кивнул Митя. «Вторая строчка: «Где скрыла гладь три каменных порога». До затопления на Сосне перед Берёзовкой были знаменитые Каменные ворота - три гранитных порога, через которые бурлила река. Сейчас над ними глубина около метра, там постоянные буруны. А третья строчка указывает расстояние: «Считай сажени от речного створа». Речной створ - это створная линия между колокольней и геодезическим знаком на мысу. Сажень - это старая русская мера длины, два метра тринадцать сантиметров. На полях кальки стоит приписка мелким шрифтом: сто сорок саженей по азимуту тридцать пять градусов! Это же прямая наводка на Лисий курган!»

«Погоди», - нахмурился Севка. «Все это здорово, профессор. Но курган-то под водой! Водолазных костюмов у нас нет. Как мы его найдем?»

Внизу со двора донесся скрип садовой калитки, а затем знакомый громкий голос матери Мити, Анны Васильевны:

«Митя! Егор! Вы дома? Спускайтесь обедать, пироги с черникой остынут!»

Мальчишки торопливо спрятали кальку, дневник и тубус в деревянный сундук, задвинули кованый засов и прикрыли крышку сухим сеном. Спустившись по лестнице, они тщательно вымыли руки под рукомойником у крыльца и вошли в просторную кухню с крашеным деревянным полом.

За большим круглым столом сидел отец Егора, Павел Андреевич Смирнов. Широкоплечий, с обветренным лицом и крепкими мозолистыми руками, пахнущими соляркой и речной тиной, он пил чай из граненого стакана в подстаканнике и слушал радиоприемник «Спидола»,

стоявший на подоконнике. Рядом Анна Васильевна разливала по тарелкам наваристый грибной суп.

«Ну что, рыбаки, промокли до нитки?» - с доброй усмешкой спросил отец Егора, оглядывая мокрые кеды мальчишек. «Где вас гроза настигла?»

«На косе у старого причала, дядя Паша», - дипломатично ответил Егор, стараясь не встречаться глазами с отцом. «В старый навес успели заскочить».

«На «Чайку», небось, бегали?» - строго прищурился Павел Андреевич. «Я же говорил: нечего там шастать. Там мостки на ладан дышат, шею свернуть раз плюнуть. Тем более сейчас на реке осторожность вдвойне нужна».

«А что такое, Павел Андреевич?» - как бы невзначай поинтересовался Митя, беря ложку.

«С гидроузла телефонограмму прислали», - ответил отец, отламывая ломоть душистого каравая. «Завтра ровно в двенадцать дня на плотине открывают донные шандоры. Будут производить аварийный сброс для инспекции водобойного колодца. За двое суток уровень водохранилища упадет почти на три метра. Речфлоту приказано все суда отвести к глубоким стенкам, движение маломерных лодок на фарватере строжайше запрещено. Все старые отмели и коряжники наружу вылезут. В Берёзовском плёсе вообще каша начнется: там, где глубины были по пять метров, банки песчаные откроются».

У мальчишек перехватило дыхание. Митя под столом незаметно сжал кулак Егора. Все сходилось с абсолютной, пугающей математической точностью! Уровень воды упадет на три метра! Это означало, что Лисий курган, вершина которого покоилась на глубине двух метров, полностью поднимется над поверхностью реки и превратится в остров! Остров-Призрак, которого не было на свете шестьдесят лет!

«А надолго сброс, папа?» - стараясь говорить как можно спокойнее, спросил Егор.

«Ровно на сорок восемь часов», - ответил Павел Андреевич, глядя на настенные часы ходики. «В субботу в полдень шандоры опустят, и река за ночь вернется к нормальному подпору. Так что сидите дома, ребята, и в лодки ни ногой».

Обед прошел словно во сне. Едва взрослые вышли на веранду обсуждать ремонт школьной котельной к новому учебному году, троица кубарем взлетела обратно на сеновал.

«Вы слышали?» - горячечно зашептал Егор, заперев дверь на щеколду. «Сорок восемь часов! Завтра в полдень курган выйдет из воды! Если мы не найдем репер сорок семь сейчас, другого шанса не будет никогда в жизни!»

«Но твой отец ясно сказал: лодкам выход запрещен», - напомнил Севка, хотя в его глазах уже разгорался тот же отчаянный приключенческий огонь. «Если нас поймают на реке, порка обеспечена на все оставшиеся каникулы».

«А нас никто не поймает», - решительно отрезал Егор. «Скажем, что пошли с ночевкой на Вороний плёс за плотвой. Это же вверх по течению, в тихую заводь, туда патрули не ходят. А сами на рассвете спустим на «Чайке» плоскодонку «Стриж» и уйдем старым руслом прямо к Берёзовке!»

«Я рассчитал график падения воды», - Митя развернул блокнот с формулами. «К вечеру завтрашнего дня мы будем у Белой колокольни. Засечем азимут, найдем репер, вскроем контейнер Воронова и докажем всей стране, что геологи не бросили свое открытие! Мы спасем память партии номер сорок семь!»

Мальчишки встали в круг, положили правые руки одна на другую и дали нерушимую клятву верности: идти до конца, не бросать друг друга в опасности и раскрыть тайну затопленного острова.

Егор подошел к слуховому окну мезонина, чтобы взглянуть на реку, как вдруг взгляд его замер. Внизу, за дощатым штакетником огорода, у самой кромки ивняка стоял человек в мокром прорезиненном плаще. Хват не сводил тяжелого немигающего взгляда с чердачного окна их дома.

Глава 3. Рождение «Стрижа»

Утренний туман над Сосной был густым, белым и холодным, словно снятое парное молоко. Он клочьями висел над камышовыми зарослями мыса «Чайка», глушил любые звуки и пах остывшей речной травой, горьковатым ивовым листом и сырой речной галькой. Часы на башне поселкового совета только что отбили четыре утра, когда три тени бесшумно выскользнули из берегового ивняка и скользнули внутрь полуразрушенного эллинга.

«Все на месте?» - шепотом спросил Егор, опуская на просмоленные доски пола тяжелый брезентовый мешок с отцовским инструментом.

«Все», - отозвался Севка, с трудом втаскивая вслед за собой жестяное ведро, доверху наполненное кусками темной сосновой смолы и старого битумного вара, и плотный тюк конопляной пакли. «Я чуть не попался. Дед в сарае ворочался, кашлял, пришлось через огородное пугало с ведром перелезать. Если узнает, что я годовой запас смолы утащил, до конца жизни ухой кормить не станет».

«Пакля сухая, это отлично», - Митя снял с плеча походный мешок и достал толстый кусок хозяйственного мыла, банку с топленым бараньим салом для пропитки уключин и моток стальной проволоки. «Я вчера пересчитал гидростатическое водоизмещение «Стрижа». Длина по ватерлинии - четыре метра двадцать сантиметров, ширина на миделе - метр сорок. При осадке в двадцать пять сантиметров полезная грузоподъемность составит триста пятьдесят килограммов. Даже с нашим снаряжением, сухарями и запасом воды запас плавучести более чем полуторный. Главное - надежно законопатить пазы днища и закрепить дубовую накладку на форштевне».

«За теорию спасибо, профессор, теперь за дело», - Егор решительно засучил рукава парусиновой куртки. «До десяти утра лодка должна быть на плаву. Хват бродит где-то рядом, и если он увидит нас днем, пиши пропало».

Работа в эллинге закипела слаженно и без лишних слов. Ребята понимали друг друга с полувзгляда. Севка выложил на галечной отмели позади стапелей очаг из плоских речных голышей, натаскал сухих сосновых щепок из старых стружечных куч и развел небольшой бездымный костер. Над углями на железном пруте подвесили ведро со смолой. Вскоре над станцией поплыл густой, терпкий, удивительно родной аромат плавящейся смолы, воскрешавший память о старинных речных верфях, смоленых баркасах и дедовских лодках.

Егор вооружился широким клиновидным чеканом и деревянной колотушкой. Очистив швы между дубовыми досками обшивки от старого пересохшего мха и речного песка, он начал методично вбивать просмоленные пряди конопляной пакли в пазы днища. Звонкие, упругие удары колотушки глухо отдавались под высокими стропилами эллинга. Пакля ложилась плотно, как литая резина, превращая деревянный корпус в монолитную чашу.

Следом шел Митя с банкой горячего вара и широкой кистью из конского волоса. Он щедро заливал кипящей черной смолой пробитые швы, разравнивая ее тонким шпателем. Горячая смола мгновенно проникала в поры мореного дуба, намертво запечатывая мельчайшие щели.

Севка тем временем осматривал весла. В углу эллинга за штабелем ящиков нашлись два тяжелых, вытесанных из комлевого ясеня весла с широкими лопастями. Дерево за долгие годы в сухом помещении не повело и не растрескало. Севка обернул веретена весел полосками толстой юфтевой кожи, промазал их бараньим салом, чтобы они не скрипели в латунных уключинах, и проверил балансировку.

«Любо-дорого глядеть!» - восхищенно выдохнул Севка, проводя ладонью по гладкой, блестящей черным глянцем поверхности обновленного борта «Стрижа». «Лодка - огонь! Как новенькая копейка. Хоть до самого Каспийского моря плыви!»

«До Каспия не надо, нам бы до Лисьего кургана дойти и назад вернуться», - усмехнулся Егор, вытирая рукавом взмокший лоб. «Давайте, навались! Столкнем ее по стапелям в воду, пусть доски набухнут и пазы сожмутся».

Мальчишки уперлись плечами в дубовый транец лодки. Старые деревянные катки под килем со скрипом провернулись. «Стриж», поскрипывая просмоленными бортами, медленно стронулся с места, заскользил по бревенчатым спускам и с мягким шипящим всплеском коснулся темной воды внутреннего затона станции.

Вода охватила борта. Егор спрыгнул на кормовую банку и придирчиво заглянул под рыбины настила. Ни одной капли! Днище держало мертво. Лодка покачивалась на мелкой ряби легко, устойчиво и гордо, готовая к любому далекому походу.

«Держит!» - радостно крикнул Егор. «Митя, передавай чалку, вяжи к свае!»

Митя перебросил другу моток просмоленного капронового каната и уже собирался подать весла, как вдруг снаружи, со стороны прибрежного галечного откоса, послышался сухой хруст раздавленной ракушки.

Мальчишки замерли. Из белесой пелены тумана, неслышно ступая тяжелыми болотными сапогами с отвернутыми голенищами, прямо к распахнутым воротам эллинга вышел Игнат Савельев.

На Хвате была все та же засаленная брезентовая штормовка с капюшоном, а из расстегнутого кармана торчала рукоять тяжелых слесарных кусачек для резки кабеля. В руке он держал наполовину выкуренную папиросу «Север», огонек которой тускло тлел в сыром утреннем воздухе. Его маленькие, глубоко посаженные глазки цепко и недобро уставились на смоленое ведро, на костер и на покачивающийся у причала «Стриж».

«Ишь ты», - протянул Хват с кривой, неприятной усмешкой, обнажившей желтые прокуренные зубы. «Плотники выискались. С утра пораньше, ни свет ни заря, казенную посудину ладят. И смолу где-то сбондили, и паклю. Небось, у деда Матвея из бондарни умыкнули?»

«Ничего мы не умыкали», - спокойно и твердо ответил Егор, выпрямляясь на корме «Стрижа» во весь рост и глядя браконьеру прямо в лицо. «Смола наша, покупная. А лодка дедова, она здесь двадцать лет без дела гнила. Мы ее на воду спустили, чтобы на рыбалку сходить».

Хват подошел к самому краю настила, с прищуром оглядел идеальные швы днища, новенькие кожаные манжеты на веслах и заплечные мешки, аккуратно сложенные в носовой части.

«На рыбалку, говоришь?» - Хват выпустил через зубы струю сизого едкого дыма. «А чего ж не на отцовской казанке с мотором? Чего ж на старой дубовой плоскодонке, а, Смирнов-младший? Уж не потому ли, что на веслах под мотором патруль ГИМС тебя не услышит?»

Митя за спиной Егора напрягся, незаметно задвигая ногой свой планшет под штабель досок. Севка побелел как полотно, сжимая в кармане латунный боцманский свисток так, что побелели костяшки пальцев.

«Отец мотор на базу забрал, перебирает», - ни секунды не колеблясь, соврал Егор, не отводя взгляда. «А мы на Вороний плёс собираемся. Там в кувшинках лещ пошел, на зорьке брать будет. Павел Андреевич в курсе, он нам до воскресенья разрешил».

Хват медленно перевел взгляд с Егора на Митю, затем на притихшего Севку. В его глазах мелькнуло холодное, хищное подозрение. Он сделал два шага по помосту, наклонился и поднял с доски валявшуюся возле помпы тонкую медную заклепку старого образца - точно такую же, какими в шестидесятые годы крепили шильдики на приборы геологических партий.

«Вороний плёс, значит», - вкрадчиво проговорил браконьер, перекатывая медную заклепку в мозолистых пальцах. «А вот вчера ввечеру кто-то под помпой доски выворотил. И цинковый ящичек из тайничка утянул. Шустрые щенки, ничего не скажешь. Только вот река, Егорка, она шутников не любит. Особенно когда вода падает. На перекатах нынче такое железо

наружу полезет, за которое взрослые дяди головы отрывают, не то что уши надирают. Понял меня?»

«Мы под помпой ничего не трогали», - с ледяным спокойствием отчеканил Егор, не дрогнув ни единым мускулом лица. «А если вам чужое железо мерещится, так спросите у начальника милиции, он на базе катер заправляет».

Упоминание начальника милиции заставило Хвата поморщиться, словно от зубной боли. Он зло сплюнул под ноги, бросил окурок в воду, где тот с коротким шипением погас, и недобро осклабился:

«Ладно, рыбачки. Ловите своего леща. Только глядите в оба: на Сосне нынче туман густой. Бывает, пойдет лодочка на Вороний плёс, а выплывет кверху килем у Берёзовской колокольни. Течение там шибко злое».

Повернувшись на каблуках тяжелых сапог, Савельев размашистым шагом вышел из эллинга и растворился в белесой пелене речного тумана.

Мальчишки еще минуту стояли в гробовой тишине, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

«Он знает», - хриплым шепотом выговорил Севка, оседая на ведро. «Он точно знает про ящик! Он нас выследит и лодку перевернет!»

«Ничего он не знает наверняка», - решительно оборвал его Егор, спрыгивая с борта на доски помоста. «Он только догадывается. Но времени у нас в обрез. Если мы промедлим до полудня, Хват сядет на свою «Казанку» и перекроет фарватер. Отплываем немедленно!»

«Но солнце еще не встало, в тумане мы потеряем створные знаки!» - возразил Митя, вытаскивая планшет.

«Не потеряем», - Егор похлопал друга по плечу. «У тебя в руках компас Андрианова, а я каждый поворот старого русла с закрытыми глазами знаю. Севка, тащи припасы! Загружай мешки в нос, распределяй груз равномерно. Выходим прямо сейчас!»

Сборы заняли считанные минуты. В носовой отсек легли брезентовые мешки с сухарями, тушенкой, запасной одеждой и котелком. Митя бережно уложил планшет с картой Воронова и дневником наблюдений в два непромокаемых полиэтиленовых пакета и спрятал себе на грудь под застегнутую штормовку. Севка уложил снасти, проверил запас питьевой воды в солдатской алюминиевой фляге и положил под банку тяжелый дубовый шест для отталкивания от мелей.

Егор занял место на средней банке, вставил ясеневые весла в уключины и взялся за рукояти. Митя сел на нос в роли впередсмотрящего со своим компасом, а Севка устроился на корме с кормовым рулевым веслом.

«Отдай концы», - негромко скомандовал Егор.

Севка сбросил петлю чалки с почерневшей сваи. Егор налег на весла. Длинные широкие лопасти без единого всплеска вошли в прохладную речную воду, и легкий, послушный «Стриж» бесшумно выскользнул из полумрака эллинга в бескрайнее молочное море тумана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.